

DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00008

О.А. Богданова (Москва)

УСАДЬБА И ДЕРЕВНЯ В РАССКАЗЕ Г.И. ЧУЛКОВА «КРАСНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ» (1921–1922)*

Аннотация. В статье анализируется тематика рассказа писателя-символиста Г.И. Чулкова «Красный жеребец» (1921–1922), написанного по следам Гражданской войны в России. В своем творчестве военно-революционных лет (публицистике, критике, поэзии и художественной прозе) Чулков пытался осмыслить происходившие в стране перемены и по возможности на них повлиять исходя из своих либерально-патриотических убеждений. В центре размышлений писателя – судьба России как единства «земли» и «народа», трагический разрыв которых в революционную эпоху он констатировал вслед за Д.С. Мережковским, М.А. Волошиным, М.М. Пришвиным и др. В «Красном жеребце» не просто показано нравственное недостоинство крестьян, пришедших грабить помещичью усадьбу – очаг высокой культуры, но в деталях передана атмосфера бесовщины в русской деревне 1919 г. Кульминацией рассказа становится отчаянная скачка зверски подоженного мужиками господского жеребца, символизирующего второго апокалипсического коня. Хотя восходящий к любимому им Ф.М. Достоевскому миф о русском «народе-богоносце» очевидно поколеблен в глазах Чулкова, мысль о святости России остается незыблемой, т.к. вторая составляющая понятия о родине – «земля» – сохраняет ее в полной мере. «Грех» деревенского народа, по Чулкову, во многом обусловлен отвержением строя жизни помещичьей усадьбы как форпоста лучших черт христианского европеизма в России: ценности человеческой личности и уважения к закону. Однако сама «русская земля», объединившая в своем лоне и усадьбу, и деревню, – хранительница «святости» и залог возрождения России.

Ключевые слова: Г.И. Чулков; рассказ «Красный жеребец»; помещичья усадьба; деревня; народ; земля; революция 1917 г.; Гражданская война; разорение; бесовство.

О.А. Bogdanova (Moscow)

Estate and Village in the Story of G.I. Chulkov “Red Stallion” (1921–1922)**

Abstract. The article analyzes the topic of the short story “Red Stallion” (1921–1922) by the symbolist writer G.I. Chulkov, soon after the Civil War in Russia. In his works of the military-revolutionary years (journalism, criticism, poetry and fiction), Chulkov tried to understand the changes taking place in the country and, if possible, to

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18–18–00129).

** This study in IWL RAS was supported by Grant from the RSF (project no. 18–18–00129).

influence them based on his liberal-patriotic beliefs. The writer contemplates the fate of Russia as a unity of “land” and “people”, the tragic rupture of which in the revolutionary era he stated after D.S. Merezhkovsky, M.A. Voloshin, M.M. Prishvin and others. “Red Stallion” describes not just the worthlessness of the peasants who came to plunder the landowner’s estate as a symbol of “high” culture, but conveys in detail the atmosphere of devilry in the Russian village of 1919. The culmination of the story is a desperate gallop of the master’s stallion brutally set on fire by the peasants, symbolizing the second apocalyptic horse. Although the myth of the Russian “people-Godbearer” goes back to F.M. Dostoevsky, it is obviously shaken in Chulkov’s eyes, the idea of the sanctity of Russia remains unshakable, since the second component of the concept of the Motherland – “land” – preserves it in full. The “sin” of the village people, according to Chulkov, is largely due to the rejection of the system of life on the landowner’s estate as an outpost of the best features of Christian Europeanism in Russia: the value of the human being and respect for the law. However, the “Russian land” itself, which united both the estate and the village in its bosom – is the guardian of “holiness” and the pledge of the revival of Russia.

Key words: G.I. Chulkov; the short story “Red Stallion”; landowner’s estate; village; people; land; revolution of 1917; the Civil War; ruin; devilry.

«Не торопитесь хоронить Россию» – так обращался к своим читателям известный поэт, писатель, критик и публицист Георгий Иванович Чулков, близкий к символистским и религиозно-философским кругам, в первом номере журнала «Народоправство» за 1917 г. [Чулков 1917, № 1, 4], вышедшем после обнадеживающих мартовских событий: падения изжившего себя романовского самодержавия и прихода к власти Временного революционно-демократического правительства для подготовки в стране всенародного Учредительного собрания. В черные для себя дни Октябрьского переворота, который он считал контрреволюцией, узурпацией народовластия в стране кучкой приспешников германского империализма, этот свободолюбивый патриот писал: «Россия не может погибнуть» [Кремнев 1917, 14]; «где-то в глубине души у меня горит надежда, что Россия не погибнет, несмотря ни на что» [Чулков 1917, № 15, 8]. И это на фоне все большего погружения страны в хаос анархии и озверения, этапы которого с болью и возмущением прослеживал в течение судьбоносных месяцев 1917 г. его еженедельный журнал. 1 февраля 1918 г., в последнем номере своего открыто оппозиционного новой большевистской власти «Народоправства», вскоре навсегда закрытого из-за материальных трудностей, Чулков, констатируя «полное уничтожение русской городской культуры» и превращение страны «в мелко-буржуазное мужицкое царство – удобный и выгодный рынок для германских капиталистов», все же сохранял веру в возможность «духовного возрождения России» во многом благодаря уже пролитой большевиками «крови мучеников» – епископов и священников Русской православной церкви [Б.К. 1918, 32], а также – тем первостепенным культурным ценностям, которые были созданы русским народом в течение предшествующих столетий [Кремнев

1917, 14].

Работая в разных сегментах искусства слова, в каждом из них Чулков использовал именно те подходы, которые наиболее соответствовали их изобразительно-выразительной специфике. Публицистика, как прямой и непосредственный отклик на происходившие вокруг события, требовала от автора политико-идеологической определенности, созвучной эпохе лексики и стилистики, полемической остроты и актуальности; литературная критика – эстетического взгляда; литературоведение – историко-культурного анализа; а поэзия и художественная проза, напротив, от бурлящей поверхности современной жизни нередко уводили в глубинные течения «большого времени» (термин М.М. Бахтина), к соприкосновению с духовным субстратом бытия, к исследованию архетипических основ человеческого «Я».

После закрытия «Народоправства» Чулков хотел объединить свои напечатанные там статьи в так и не изданном сборнике «Страдные дни», в сохранившемся предисловии к которому писал: «Ничего в этом мире нельзя понять и с должной справедливостью оценить, если не примем во внимание тех таинственных сил, светлых и темных, которые влияют на многообразие нашей жизни. От влияния этих сил не свободны – и быт, и политика, и культура» [Чулков, Предисловие]. Переживаемые им в революционные годы события писатель воспринимал как «возникающи[e] на путях истории по воле Провидения» [Чулков, Предисловие]. Эта концепция определяла историософский и эстетический поиск в его произведениях 1917 – начала 1920-х гг., удерживая в границах мировоззрения и поэтики символизма при очевидном стремлении к освоению «реализма в высшем смысле» – творческого метода чтимого им Ф.М. Достоевского.

Ряд художественных произведений Чулкова революционных лет откликается «на темы, продиктованные моментом» [Чулков, Предисловие]. Чулков пытался передать не только образ революции, каким он вставал перед душевным взором автора, но и поместить его в «большое время» Богочеловеческой истории, т.е. осмыслить историософски. Таковы некоторые стихотворения Чулкова, а также рассказы «Милочка» (первая и единственная публикация – в авторском сборнике «Вечерние зори», 1924) и «Красный жеребец» (впервые опубликован в 1999 г.).

В обращенном к близкому другу и учителю Вячеславу Иванову стихотворении 1919 г. «Поэту» Чулков, намекая на былую приверженность обоих «мистическому анархизму», открыто указывал на их общую вину как «предтеч» охватившего Россию «буйства темного»:

Ведь вместе мы сжигали дом,
Где жили наши предки чинно.
Но грянул в небе вещей гром,
И дым простерся лентой длинной.

И мы, поэт, осуждены

Свою вину нести пред Богом,
Как недостойные сыны,
По окровавленным дорогам.

[Чулков 1922, 39]

В прозе травмирующая современность представлена более детально, причем автор рассматривает основные локусы глубинной России: уездный город, деревню и помещичью усадьбу. Рассказ «Милочка», сюжетно-композиционным построением обращенный к пушкинской (повесть «Станционный смотритель», 1830) и чеховской (рассказ «Душечка», 1898) традиции, создает сниженный вариант символа современной России, русской души, в лице провинциальной «мещаночки», «одинаково благосклонной» [Чулков 1924, 62] на протяжении действия рассказа (которое происходит в 1917–1918 гг.) и к состоятельному помещику, уездному предводителю дворянства Развалишину, и к блестящему адвокату, либералу-республиканцу Балаклавину, и к мелкому телеграфному чиновнику, нигилисту-большевику Суламитову. Причем со стороны Милочки не видно никакой расчетливости, но одно лишь искреннее влечение: «Странная была девушка эта Милочка: стоило мужчине взять ее за руку и посмотреть ей пристально в глаза – и тотчас она лишалась своей воли, готовая на все...» [Чулков 1924, 64].

Милочка здесь, конечно же, воплощение «вечно-бабьей» [Бердяев 1918] души «загадочного народа» [Чулков 1922, 48] России; слова мужика-попутчика: «...мы свободы вынести не можем. <...> Россия-матушка вроде как баба. Завсегда себе хозяина ищет. Получила свободу – и сама не знает, как от нее отвязаться. К ней, как ко вдовушке, женихи лезут» [Чулков 1924, 75] – с очевидностью отсылают читателя к писаниям В.В. Розанова и Н.А. Бердяева. «Великая беда русской души <...>, – отмечал Бердяев в статье 1914 г., вошедшей в сборник «Судьба России» (1918), – в женственной пассивности, переходящей в “бабье”, в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем». В русском народе «не окрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав. <...> “Розановское”, бабье и рабье, национально-языческое, дохристианское все еще очень сильно в русской народной стихии» [Бердяев 1918, 41–42].

Просматривается аллюзия и на Вячеслава Иванова. Еще в докладе «Евангельский смысл слова “земля”», прочитанном в петербургском Религиозно-философском обществе в 1909 г., Иванов выступил против смешения понятий «Мира» (т.е. посюстороннего бытия «земли», данного, наличного состояния природы и человека) и «Земли» («жены, ищущей истинного мужа», Христа; так толкуется евангельский эпизод о Христе и самарянке [Иоанн 4, 5–19], в соединении с Которым она станет «раем») [см.: Иванов 1994]. «Мир» следует отрицать, «Землю» – как плененную Душу Мира – спасти, утверждать. Неподлинный муж России – Сатана, последовательно предстающий в разных обличьях.

Читая рассказ «Милочка», «жутко становится за судьбу России» [Бердяев 1918, 32], в 200 лет «петербургского периода» так и не освоившей, в толще народной, европейских уроков человеческого достоинства, уважения к личности, закону и гражданскому праву.

Те же стихи «бесовщины» и страха пронизывают рассказ «Красный жеребец» (1921–1922), составляя мотивный субстрат этого произведения. Помимо своего первого публикатора М.В. Михайловой [см.: Чулков 1999], рассказ привлек внимание пока лишь одного исследователя [см.: Федута 2013], обратившегося, в первую очередь, к его интертекстуальным связям. Я же попытаюсь раскрыть историософское осмысление страшной конкретики революции в русской деревне 1919 г. и близлежащей помещицкой усадьбе.

Глубинный сюжет рассказа – превращение степенных, разумных, уважительных мужиков и баб, хранителей определенного нравственного порядка, участников традиционного усадебного дворянско-крестьянского симбиоза, – в шайку изуверов, убийц и тотальных разрушителей. Метаморфоза происходит при очевидном участии «таинственных сил», о которых автор писал в предисловии к неопубликованным «Страдным дням».

Если в начале погрома усадьбы Булатовых крестьяне всего лишь «охмелели без вина» от открывшейся возможности улучшить свой быт, компенсировать вековую социальную несправедливость по отношению к себе, то в процессе грабежа в народ постепенно входит бесовская сила: так, в разгар вакханалии Трифону, главарю мужиков, «показалось, что кто-то черный, лохматый положил ему лапу на плечо» [Чулков 1999, 600]. Разграбление помещицкой усадьбы, в отличие от первоначального намерения, становится бессмысленным: вместо разумного дележа удобного, изящного и полезного барского имущества, в том числе лошадей, крестьяне поддаются желанию «погромить бы чего!», «весь мир поджечь» [Чулков 1999, 600]. Вытащенные из господского дома рояль, ценную мебель из карельской березы, фарфор, текстиль – они разбили и испортили. Необузданная страсть, в пределе своем ведущая к самоуничтожению и небытию, воплотилась в кощунственное надругательство над невинной жертвой – прекрасным породистым жеребцом Султаном Третьим. С изуверской жестокостью подоженный грабителями, в своей последней огненной скачке по ночному простору он становится олицетворением Гражданской войны в России, символизируя второго апокалипсического коня (см.: Откр. 6, 3–4).

Итак, перед нами динамика народной жизни в эпоху победившей русской революции: вначале «хмель», затем экспансия «бесовства» и, наконец, «апокалипсис». Эти стадии духовной деградации русского народа прошли перед глазами автора «Красного жеребца» в течение 1917–1920 гг. В статье «Хмель» (май 1917 г.) Чулков писал: «Если <...> побыть в одиночке несколько месяцев и видеть каждый день сумасшедших и ничего больше не видеть, можно совсем потерять голову. И вдруг – свобода. <...>

А разве теперь весь русский народ не вышел из тюрьмы? Разве не новыми глазами взглянул он на дольний мир и на высокое небо? Как же было ему не охмелеть. Не <...> странно, что он, опьянев от счастья, нескладно и буйно запел песни, загулял...». «Не мы первые делали революцию. <...> Надо прикинуть к истории, <...> и только тогда поймешь, что русский народ не любит крови, не хочет беспорядка и стыдится буйства <...> народ уже <...> перестал слушать непрошенных советчиков (т.е. большевиков. – *О. Б.*)...» [Чулков 1917, № 1].

Однако надежды оказались напрасными, и «сознательные» агитаторы в деревне Булатовке сумели овладеть народной волей, разжигая классовую месть и социальную рознь. Дававший уверенность и трезвое осознание своего места в мире библейский «страх Божий» был вытеснен иным страхом – «без имени» [Чулков 1999, 594], как будто навязанным людям извне, толкавшим их на поджоги, грабежи и убийства: «Все чего-то боялись. Старики и молодые боялись Трепетовского (управляющего помещьем. – *О. Б.*), молодые боялись стариков, бабы мужей, ребята родителей, Марья Николаевна и Наташа (помещицы Булатовы. – *О. Б.*) боялись мужиков». Никто не знал причины страха, но «все чувствовали, что дело плохо, что жизнь скудеет, что хлеб стал горьким, что зори по утрам не такие веселые, как прежде, а по вечерам небо в каком-то страшном предсмертном пламени, а за красной завесой звучит труба, тоже страшная. Поет труба о том, что всему конец» [Чулков 1999, 592]. Да и откуда было взять деревенскому народу духовной крепости на защиту от «темных сил», когда все его «мудрецы» (огородник Кассиан, старуха Агафья Родионовна и др.) дружно выступали против православной церкви: Синода, духовенства, принятого церковного богослужения. Дикость, невежество, несамостоятельность суждений и поступков жителей Булатовки как бы иллюстрируют известные историософские тезисы Чаадаева о характере русского народа, не доросшего до личностного и ответственного, подлинно христианского самосознания. К слову, Чаадаев был одним из наиболее востребованных собеседников из плеяды русских литераторов XIX – начала XX в. для многих авторов чулковского «Народоправства». Возможно, именно он, наряду с А.А. Блоком, вступил «в стрежень историософских интуиций в 1917–1918 гг.» [Богданова 2017, 241].

Все это обусловило, по Чулкову, сползание к «апокалипсису» братоубийственной Гражданской войны на русской земле: сначала превышением меры социальной мести (например, в расправе над Трепетовским, которого мужики оскопили за сластолюбие по отношению к крестьянским девушкам), затем – безудержной страстью к разрушению при разграблении усадьбы Булатовых, и наконец – злобным, садистическим уничтожением кротчайшего и прекраснейшего из Божьих созданий. Автор показывает, как вслед за отчаянной скачкой несчастного жеребца «...мужики побежали свистя. Иные падали, ругаясь непристойно» [Чулков 1999, 602]. Это уже не народ, а какие-то воплощенные «бесы»... Симптоматична метаморфоза благообразного старика Власия, чье имя

полемиически ассоциируется с известными Власами Н.А. Некрасова и Достоевского. Вспомним стихотворение Некрасова «Влас» (1855) с образом раскаявшегося грешника из народа, и одноименную главу из «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевского, трактующую некрасовского героя как доказательство не иссякающего в русском крестьянстве стремления к святости [см.: Некрасов 1981; Достоевский 1980]. Кроме того, святой Власий, Севастийский епископ начала IV в., считался на Руси покровителем и целителем животных. Чулковский же Власий, делегат к булатовским помещицам, сначала сердобольно советует испуганным женщинам уезжать «от греха»: «Мы и сами не рады, что так выходит. Нам самим <...> страшно <...>. А сроки пришли. <...> Земля гудит. О чем гудит? Ночью выйдешь и слушаешь, а она гудит...» [Чулков 1999, 597]. Вечером того же дня, участвуя в погроме покинутой хозяйками усадьбы, этот старик топором «разбил шкаф с книгами и <...> стоял над ним, недоумевая», а затем «завыл, засвистел и заулюлюкал» [Чулков 1999, 601] вместе с толпой мужиков, направляясь в конюшню для расправы с прекрасным конем. Здесь происходит очевидная инверсия знакомого образа, переориентация архетипической модели распространенного неомифа о русском «народе-богоносце». Как показал В.В. Полонский на примере архаического мифа о борьбе Космоса и Хаоса, подобное явление характерно для всей символистской (и не только) прозы Серебряного века, где «зачастую» происходила «...деформация архетипической схемы: окончательная победа над хаосом оказыва[лась] невозможной (курсив мой. – О.Б.)» [Полонский 2008, 20].

Симптоматично, что в тексте «Красного жеребца» (1921–1922) ясно различаются детали иконы «Архангел Михаил – грозных сил воевода»: труба, красный конь, горящие здания внизу, Архангел на огненном крылатом коне. Его труба возвещает победу над Сатаной в небесах. На земле же пока власть Сатаны (Откр. 12, 7–17).

Как видим, несмотря на трезвую оценку ситуации и кажущийся пессимизм, тезис «не торопитесь хоронить Россию» все-таки оставался для писателя актуальным. В самом деле, Милочка даже в браке с Суламитовым сохраняет красоту и улыбчивость; булатовские помещицы с детьми (которые, по Чулкову, тоже часть народа) не убиты, а только изгнаны, книги из разбитого шкафа попадут в деревенские избы, и потомки Власия рано или поздно их прочтут. Деформация, обусловленная жестоким историческим опытом 1917 – начала 1920-х гг., не отменила инерции оптимистического мифа о русском народе, подкрепленного авторитетом Пушкина и Достоевского. Да и в понятие об отечестве Чулков, подобно многим своим современникам (Д.С. Мережковскому, С.Н. Булгакову, А.А. Блоку, А.М. Ремизову, М.А. Волошину, М.М. Пришвину и др.), включал не только народ, но и «землю» [подробнее см.: Богданова 2017].

Размышляя в мае 1918 г. над биографией Достоевского в аспекте «трагического понимания истории», Чулков отметил, что идею великого писателя о «народе-богоносце» нельзя связывать с «реальной политикой»:

«правда Достоевского» – это «правда о земле, земле живой и в существе своем святой – той земле, которую целовал Алеша после кончины старца Зосимы...» [Кремнев 1918, 143, 146]. Судя по всему, Чулков вполне мог бы подписаться под словами участников симпозиона С.Н. Булгакова «На пиру богов» (1918): «...русская земля <...> спасет русский народ, по ней стопочки Богородицыны ступали...»; «...Россия спасена – Богородично силою» [Булгаков 1991, 353]. Нравственное недостоинство народа в годы революции не могло поколебать святости русской земли – автор «Красного жеребца» не сомневался в истинности «софиологической формулы» [Зандер 1960, 49] Достоевского: «Богородица – великая мать сыра земля есть» [Достоевский 1974, 116], когда писал в 1919 г.:

О, юродивая Россия,
Люблю, люблю твои поля,
Пусть ты безумная стихия,
Но ты святая, моя земля.

[Чулков 2003, 35]

Без сомнения, Чулкову были близки взгляды одного из главных авторов «Народоправства» – Бердяева: «...сейчас к мыслям моим о судьбе России примешивается много <...> острой печали от разрыва с великим прошлым моей родины», – писал философ в 1918 г. в предисловии к сборнику «Судьба России». – «Русская революция <...> прежде всего феномен духовного и религиозного порядка. И нельзя излечить и возродить Россию одними политическими средствами. <...> Русскому народу предстоит духовное перерождение», которое потребует сближения с христианской Европой: «Мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими. Мы должны почувствовать и в Западной Европе ту же вселенскую святость, которой и мы сами были духовно живы, и искать единения с ней» [Бердяев 1918, IV–V]. Форпостом же европеизма в лучшем смысле слова была в русской деревне XVIII – начала XX в. помещичья усадьба. Ее разграбление в «Красном жеребце» – симптом духовно-нравственного падения революционного народа. Однако сама «русская земля», объединившая в своем лоне и усадьбу, и деревню, – хранительница «святости» и залог возрождения России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Мировая опасность (Вместо предисловия) // Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. I–V.
2. Бердяев Н.А. О «вечно-бабьем» в русской душе // Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 30–42.
3. Богданова О.А. «14 декабря» Д.С. Мережковского как роман о русской революции 1917 года // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 2. С. 172–189.
4. Богданова О.А. Идеи и образы русской литературы в революционной

публицистике журнала «Народоправство» (1917–1918) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 219–245.

5. Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 290–353.

6. Б. К. [Г.И. Чулков]. Начало или конец? // Народоправство. 1918. № 23–24. С. 30–32.

7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873. V. Влас // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 31–41.

8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Бесы: роман. Л., 1974.

9. Зандер Л.А. Земля благая // Зандер Л.А. Тайна добра (Проблема добра в творчестве Достоевского). Франкфурт-на-Майне, 1960. С. 31–62.

10. Иванов Вяч. Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926) / публ., вступ. статья и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 1991 год. СПб., 1994. С. 146–151.

11. Кремнев Б. [Г.И. Чулков]. Достоевский и судьба России // Огни: литературный альманах. М., 1918. С. 133–148.

12. Кремнев Б. [Г.И. Чулков]. Судьба России и наше правительство // Народоправство. 1917. № 13. 23 октября. С. 14–16.

13. Некрасов Н.А. В армяке с открытым воротом... (Влас) // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 1. Л., 1981. С. 152.

14. Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М., 2008.

15. Федута А.И. «И примешь ты смерть от коня своего...» («Метценгерштейн» Эдгара По и «Красный жеребец» Георгия Чулкова) // Новый филологический вестник. 2013. № 3 (26). С. 132–139.

16. Чулков Г. Вчера и сегодня: листки из дневника // Народоправство. 1917. № 15. 19 ноября. С. 7–9.

17. Чулков Г.И. Красный жеребец // Чулков Г.И. Годы странствий / Вступит. статья, сост., подгот. текста и коммент. М.В. Михайловой. М., 1999. С. 590–602.

18. Чулков Г.И. Милочка // Чулков Г.И. Вечерние зори: Рассказы. М.; Пг., 1924. С. 53–78.

19. Чулков Г.И. О, юродивая Россия... // Чулков Г.И. Тайная свобода: Стихотворения из неизданных книг (1920–1938) / сост., подгот. текста, вступит. статья и коммент. М.В. Михайловой. М., 2003. С. 35.

20. Чулков Г.И. Поэту // Стихотворения Георгия Чулкова. М., 1922. С. 39.

21. Чулков Г.И. Предисловие к сборнику «Страдные дни» // ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 85.

22. Чулков Г.И. Приволье // Стихотворения Георгия Чулкова. М., 1922. С. 48.

23. Чулков Г. Хмель // Народоправство. 1917. № 1. С. 4.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Bogdanova O.A. “14 dekabrya” D.S. Merezhkovskogo kak roman o russkoy

revolyutsii 1917 goda [“December 14” by D.S. Merezhkovsky as a Novel about the Russian Revolution of 1917]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 172–189. (In Russian).

2. Bogdanova O.A. Idei i obrazy russkoy literatury v revolyutsionnoy publitsistike zhurnala “Narodopravstvo” (1917–1918) [The Ideas and Images of the Russian Literature in the Revolutionary Journalism of the Journal “Democracy” (1917–1918)]. *Literaturnyy fakt*, 2018, no. 8, pp. 219–245. (In Russian).

3. Feduta A.I. “I primesh’ ty smert’ ot konya svoeyego...” (“Mettsengershteyn” Edgara Po i “Krasnyy zherebets” Georgiya Chulkova) [“And you will accept death from your horse...” (“Metzengerstein” by Edgar Poe and “Red Stallion” by Georgy Chulkov)]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2013, no. 3 (26), pp. 132–139. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Zander L.A. Zemlya blagaya [The Land is Good]. Zander L.A. *Tayna dobra (Problema dobra v tvorchestve Dostoyevskogo)* [The Mystery of the Good (The Problem of the Good in the Works of Dostoevsky)]. Frankfurt am Main, 1960, pp. 31–62. (In Russian).

(Monographs)

5. Polonskiy V.V. *Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoy literature kontsa 19 – nachala 20 veka* [The Mythopoeitics and Genre Dynamics in Russian Literature of the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, 2008. (In Russian).

Богданова Ольга Алимовна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник. Область научных интересов: художественная проза, критика и публицистика рубежа XIX–XX вв.; творчество и биография Ф.М. Достоевского, рецепция наследия писателя в конце XIX – начале XX вв.; история достоевсковедения; русская проза рубежа XX–XXI вв.

E-mail: olgabogda@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7004-498X

Olga A. Bogdanova, A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Leading Researcher. Research interests: fiction prose of the turn of 19th – 20th centuries; the works and biography of F.M. Dostoevsky, the reception of the writer’s legacy in the late 19th – early 20th centuries; history of Dostoevsky studies; Russian prose of the turn of 20th – 21st centuries.

E-mail: olgabogda@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7004-498X